

Das Sprachbastelbuch / H. Domenego, E. A. Ekker, V. Ferra-Mikura u. a. Wien : Jugend und Volk Verlag, 1992. 135 p.

Holtz-Baumert G. Alfons Zitterbacke. Berlin : Kinderbuchverlag, 1969. 152 p.

Lesecke 2: Ein Lesebuch zum Stöbern und Finden für das 2. Schuljahr / W. Bütow, G. Schenk, B. Schütze. Berlin : Volk und Wissen Verlag GmbH, 1996. 176 p.

Lexikon der Kinder- und Jugendliteratur: Personen-, Länder- u. Sachart. zu Geschichte u. Gegenwart d. Kinder- u. Jugendliteratur; in 3 Bd. (A–Z) u. e. Erg.-u. Reg.-Bd. / hrsg. von Klaus Doderer. Weinheim ; Basel : Beltz, 1984. Erg.-u. Reg.-Bd. VIII, 705 p.

Teilkorpus Regina (10;7): Text-Band // Dortmunder Korpus der spontanen Kindersprache / hrsg. von Klaus R. Wagner. Essen : Die Blaue Eule. Bd. 3. 1992. XIV. 362 p.

Teilkorpus Teresa (9;7): Text-Band // Dortmunder Korpus der spontanen Kindersprache / hrsg. von Klaus R. Wagner. Essen : Die Blaue Eule. 1998. XVII. 226 p.

УДК 81-23:26

М. В. ЗАГИДУЛЛИНА

ЭМОПИСЬМЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МЕНТАЛЬНО-ЯЗЫКОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ЧТО СОБОЙ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СИНТАКСИС ПОЛИКОДОВЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ?¹

Аннотация. Исследуются теоретические аспекты такого феномена современной коммуникации, как эмописьменность, возникшего в результате лингвистической гибридации, размывающей границы между устным и письменным, персональным и публичным. Рассмотрены факторы, влияющие на расцвет коммуникации эмоций: общее состояние культуры «эпохи досуга» (с точки зрения антропософии), коммуникационный техноландшафт в аспекте «новой материальности» и фасилитации новых форм общения, а также визуальный поворот (вездесущность визуализации), в результате обусловившие преобразование текстов традиционного фонетико-алфавитного письма в онлайн-гибридные формы. В предлагаемой статье современный письменный язык рассматривается на фоне давней исторической традиции, концептуализированной с точки зрения философии языка и коммуникации (Руссо, Маклюэн, Деррида, Ульмер, Стиглер). Анализ различных форм эмописьменности проводится на сопоставимом материале интернет-коммуникационных жанроидов, а именно на примерах комментариев и сообщений в конкретных интернет-сообществах (на примере Pikabu.ru). Для отбора материала используется принцип фолксонии (встроенных метрик поддержки того или иного сообщения). В центре анализа – сочетание изобразительного и вербального компонента в аспекте коммуникации эмоций. Задача исследования – установить закономерности эмописьменности в синтаксических категориях (организация отношений между различными элементами поликодового единства). Обсуждаются следующие гипотезы: количественно доминирующие пиктографические элементы эмописьменности выполняют фатические функции; фатическая коммуникация усиливается внутренней ценностью обмена эмоциями; визуализация эмоций с использованием изображений и эмотиконов имеет свои ограничения, ведущие к поиску новых средств выражения и созданию условий для эмоциональной креативности языка; упорядочение новых вариантов символов в эмописьменной культуре в целом согласуется с общими принципами синтаксических матриц фонетико-буквенного письма, однако порождает ряд новых явлений и эффектов (замена развернутых выражений сигнальными изображениями, тактика сигнальной передачи общего отношения к заявлению и адресату, разработка новой визуализированной эмопунктуации).

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект 16-18-02032.

Ключевые слова: ментально-языковые трансформации, эмосинтаксис, эмописьменность, поликодовые тексты, креолизованные тексты, фатическая коммуникация, коммуникационные технологии.

M. V. Zagidullina

Emowriting: What a Syntax Matrix of Polycoded Text Is?

Abstract. This discussion provides a theoretical overview of emowriting and describes the characteristics of the linguistic hybridization blurring of boundaries between spoken and written, personal and public. It also considers the factors affecting the heyday of emowriting: the state of the “era of leisure” culture in anthroposophic approach, communication technolandscape in the “new materiality” aspect as affordances of new forms of emocommunication, and the visual turn (omnipresence of visuality) shaping general text transformation from the traditional phonetic-alphabetic writing into the online hybrid forms. In addition, modern written language is seen in the background of a long historical tradition, conceptualized from the standpoint of the philosophy of language and communication (Rousseau, McLuhan, Derrida, Ulmer, Stiegler). Polycoded (multimodal) texts analyses in their forms of emowriting are conducted on a comparable material of Internet communication genreoids (intergenres), namely comments and posts of members of the Internet community. The most successful posts and comments in terms of inclusion of visual elements in their composition, as well as transmission/intensification of certain emotions of the communicant are analyzed through the example of Pikabu.ru. The research task is to find the rules of emowriting in syntax categories (organization of relations between the different elements in the full statement). The following hypotheses are considered: quantitatively dominant pictographic elements of emowriting perform the phatic functions; phatic communication is enhanced by the intrinsic value of sharing emotions; visualization of emotions using pictographs and emoticons has its limitations, leading to the search of new means of expression and creating conditions for emowritten creativization of the language; ordering of the new variants of symbols in emowritten culture in general is broadly consistent with the common principles of syntactical matrices of phonetic-alphabetic writing, however, it produces a number of new phenomena and effects (substitution of deployed statements by signalling images, signal tactics of transfer of the general attitude to the statement and the addressee; development of a new visualized emopunctuation). Supported by RSF, 16-18-02032.

Keywords: emowriting, visualization, language shift, multimodal texts, phatic communication, technologies of communication.

Ментально-языковые трансформации – это крупные изменения в языке, основанные на когнитивных сдвигах, в свою очередь возникающих под воздействием быстро меняющейся коммуникативной среды. Изучение ментально-языковых трансформаций ведется как на уровне дискурсивного анализа [Антропова, 2016], [Панова, 2017], так и на коммуникативных практиках отдельных полей (например, политического [см.: Федоров, 2017], переводческого [см.: Краснопеева, 2017]). В зарубежных исследованиях само понятие «ментально-языковые трансформации» не употребляется, однако мы можем обнаружить множество исследований лингвистических и когнитивных сдвигов, связанных с различными условиями коммуникации. Конкретно для настоящего исследования особое значение имеют исследования взаимосвязи письма и технологий, с одной стороны, и изучение эмоций и письма – с другой. Рассматривая историю исследований в этих областях, мы можем констатировать, что работ, лежащих в области пересечения этих двух направлений в анализе медиакоммуникаций, нет. Поэтому предлагаемый в статье подход обладает научной новизной и открывает дискуссию в области перекрестного исследования коммуникации с точки зрения ее современного технологического оформления и возможностей эмоционального обмена.

Краткий обзор исследовательских тактик в области изучения эмоций должен быть предварен указанием на то, что в основном эту сторону коммуникации представляют работы по психологии; нас интересует здесь в первую очередь психолингвистика, изучающая вербализацию эмоций, а также другие лингвистические подходы к изучению эмотивной коммуникации. Начиная с первого издания книги Ч. Дарвина и П. Экмана «О выражении эмоций у человека и животных» [Дарвин, Экман, 2014] эмоции в коммуникативных практиках экспериментально изучались в самых разных аспектах (применительно к новорожденным, детям разных возрастов, отдельным социальным группам, в сочетании с жестами и т. п.). Однако эмоции в языковом выражении стали изучаться позднее. Классическая работа, ставящая вербализацию эмоций в центр внимания, – книга Шарля Балли о французской стилистике [Балли, 2001]; ряд серьезных работ был создан в рамках пражской лингвистической школы (см. обстоятельный обзор источников по проблеме: [Volek, 1987]). В зарубежной лингвистике и психолингвистике мы можем указать работы, где теоретизируется связь между языковым и экстравербальным выражением эмоций, рассматриваются особенности вербализации эмоций и отношения пишущего к сообщению (см., например: [Pecher, Zwaan, 2005], [Louwerse, 2011], [Bruin, Strijbos, Slors, 2014], [Tillman, Louwerse, 2018] и др.).

Отечественная лингвистика также вносит вклад в изучение эмотивной лексики и эмоциональной стороны коммуникации (см., например, [Шаховский, 2008]). Конкретно эмотивный синтаксис также в зоне внимания лингвистов. Например, О. А. Турбина предлагает рассматривать три основных варианта эмотивного синтаксиса (транспозицию, парцелляцию, обособление) и средства воплощения этих категорий (дислокация, инверсия, интеркаляция, реприза, редукция, компрессия, реконструкция [см.: Турбина, 2013]). Не задаваясь целью представить полный обзор исследований по теме, отметим, что основным предметом внимания лингвистов являлась работа с речью и языком в условиях «доинтернет-коммуникации» (и эмотивный синтаксис рассматривается именно применительно к устной речи). Между тем технологии коммуникации оказывают решительное воздействие на сами процессы информационно-эмоционального обмена.

Это поле исследований для наших наблюдений также чрезвычайно важно. Собственно письменность претерпевает значительные изменения в связи со сменой технологий ее существования. Этот тезис представлен в развернутой теории коммуникаций М. Маклюэна [2007], У. Онга [Ong, 1982] и лег в основу технологической концепции коммуникации Ф. Киттлера [Kittler, 1999]. Важно, что изучение письменности в философском аспекте позволяет понять логику развития современных коммуникаций. Ж. Деррида в своем трактате «О грамματοлогии»

[Derrida, 2000], опираясь на эссе Руссо «О происхождении языков», предлагает концепцию письма как первичного кода коммуникации (взамен прежних представлений об эволюции языка от устных форм к письменным). Эта мысль конкретизирована Г. Ульмером [Ulmer, 1985; 2003], а также представлена Стиглером как концепт «грамматизации» (все в мире есть процессы и потоки, однако любое понимание этих процессов и потоков возможно только при членении их на «граммы», дискретные части; понимание самого принципа сочетания этих отдельных частиц и позволяет строить новые технологии, какими бы они ни были [Стиглер, 1998, 2009]). Во многом пересекаясь с концепцией Н. Хомского, эти идеи расширяют и дополняют его «органический» подход (речь идет не о «врожденной языковой способности», а о тотальном принципе грамматизации, включающем и человека, и технические объекты, и живую и неживую материю). Тогда, возвращаясь к задачам статьи, следует отметить возможность рассмотрения коммуникационных потоков в категориях синтаксиса, понимаемого как связь между «граммами», которыми могут выступать любые единицы информационного обмена. Кажущаяся очевидной, эта теория имеет серьезный прикладной потенциал (как, например, в работе Джастина Ходжсона, предлагающего варианты обучающих курсов «письма фильмами», где съемка видео предстает в категориях правил орфографии и синтаксиса [Hodgson, 2010]).

Кроме того, значение имеет сама эпоха коммуникации. Мы можем обратиться к концепту «эра досуга» (Г. Молитор [см.: Molitor, 2000; 2008]), помогающему осознать степень высвобождения времени для коммуникации в современной повседневной жизни. В связи с этим чрезвычайно активизируется и феномен фатической коммуникации (впервые описан и терминологически закреплен Б. Малиновским в 1923 г. [см.: Малиновский, 2005, с. 214]). Это способы поддержания связи на уровне эмпатии, проявления поддержки, сигнализирования о близости и готовности быть рядом, соучаствовать в действиях, прийти на помощь (все эти функции, по Малиновскому, есть создание «атмосферы взаимного расположения» [Там же] и не имеют отношения ни к мыслям, ни к состояниям). Остается отметить, что в условиях развития интернет-технологий меняется сам ландшафт коммуникации. Если в наблюдаемых Малиновским племенах коммуникация шла исключительно в ситуации присутствия, то в пространстве Интернета присутствие становится виртуальным (сохраняя важнейшие принципы interpersonalного взаимодействия). Очевидность этой позиции тоже нуждается в серьезном теоретизировании (попытка сделана У. Гумбрехтом в книге «Производство присутствия» [Gumbrecht, 2004/2006], конкретизирована им в недавней статье [Gumbrecht, 2017]), поскольку касается основных вызовов самому понятию «материальность».

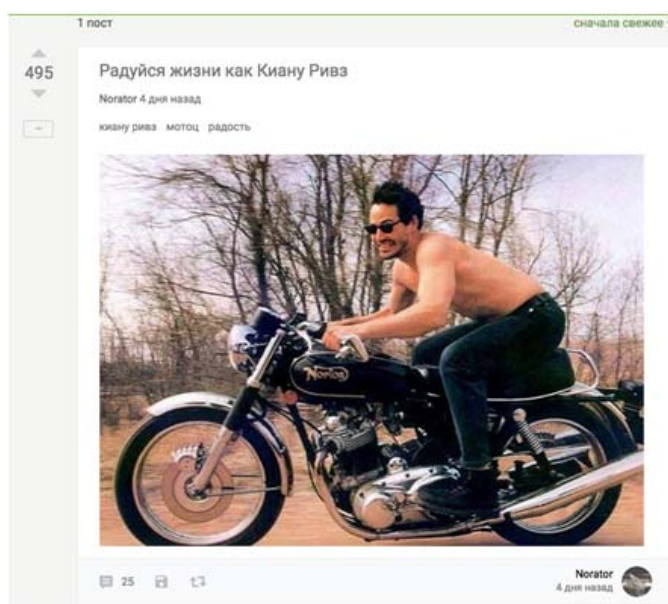
Но для нас важно, что коммуникация, обеспечиваемая интернет-технологиями, обретает свою материальность в той самой «грамматизации», о которой говорит Б. Стинглер. Прежние попытки рассматривать эту коммуникацию как «устно-письменный гибрид» (см., например, [Лутовинова, 2008]) кажутся несколько нерелевантными, поскольку сейчас существует сам факт коммуникации с помощью не только речевых единиц, но и видео-, аудиофрагментов. При этом изображение может быть и фотографией, и рисунком, и фильмом, и гифкой, а звуковой фрагмент – речью, пением, музыкой, мычанием и вообще любым звуковым рядом. Поэтому «устно-письменные» сочетания здесь просто не могут описать коммуникативный обмен (они нацелены исключительно на алфавитно-фонетическое представление о языке и речи).

Именно поэтому, говоря об эмосинтаксисе, мы подчеркиваем значимость следующих компонентов: универсальной грамматизации коммуникационного потока в цифровой среде (слова, изображения, звуки по сути есть равноправные единицы мультимодальных или поликодовых единств; а развитие технологий облегчает пользователям применение самых разных элементов в построении своих сообщений); возможности фиксировать эмоции с помощью символов и сигналов, ранее невозможных в письменности в силу ее доинтернет-технического оснащения; особенностей развития письменной коммуникации во вненормативных (неинституциональных) условиях.

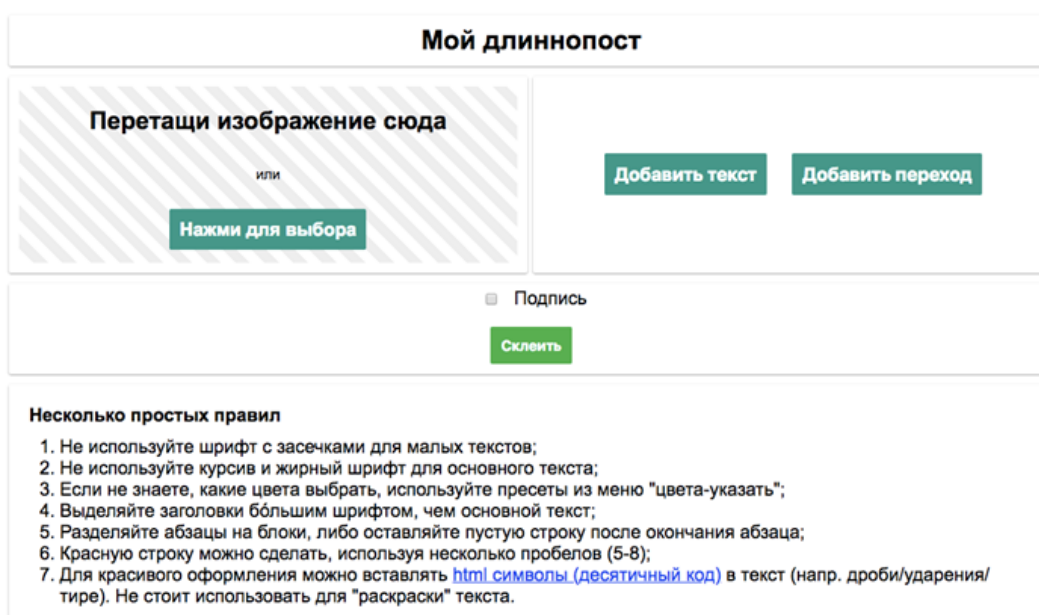
Пример наших наблюдений – один пост сайта Pikabu.ru, занимающего высокие позиции в русском интернет-сегменте «Развлечения». Являясь воплощением концепции «эра досуга», этот сайт объединяет миллионы пользователей. Так как сайт использует встроенные метрики, мы можем обратиться к тем постам пользователей, что оказались в центре внимания большого числа коммуникантов. Мы выбрали фолксономические показатели за одну неделю, установив тег «радость», и получили пост с поддержкой +495 голосов (рис. 1).

Это пример фатической коммуникации («сообщение ради сообщения»), представляющий собой совокупность трех типов «грамм»: текстовой фразы, построенной по правилам обычной речи («Радуйся жизни как Киану Ривз») с пропуском запятой; трех «тегов», выполняющих функции добавочного значения («Киану Ривз», «мотоц», «радость»); изображения, представляющего собой фотографию актера на мотоцикле. Эмосинтаксис, основанный на «нанизывании» элементов по принципу градации и многократном повторе сигнала «радость» (в заголовке, тегах, с помощью изображения радости), организован не с помощью специальных знаков пунктуации, но пространственно-фреймовым способом (специально отведенные места для заглавия, тегов, «тела» самого поста). При фасилитации «склейки» сообщения из разных элементов коммуникация на интернет-платформах начинает тяготеть к обмену

отвердевающими «грамматизированными» формами (например, на том же сайте Pikabu.ru действует сервис Pikapost.ru, позволяющий «собирать» лонгриды («длиннопосты»); сервис помогает понять условия формирования грамматизированного синтаксиса (рис. 2)).

Рис. 1. Пост «Радуйся жизни как Киану Ривз» пользователя Norator, 14.04.2018, 495 «плюсов» (лучший результат недели с тегом «радость»)

Рис. 2. Синтаксический конструктор [<http://pikapost.ru/create.html>]

Возможность «сборки» сообщения из разнородных элементов касается общих изменений самого понятия синтаксиса в письменности интернет-эпохи. Однако эмосинтаксис (как часть этих общих изменений) обладает рядом особенностей, самая яркая из которых восходит к «зарю» интернет-общения, – эмодиконы (или «смайлики»). Интересна

двунаправленная история развития эмодиконов: с одной стороны, все более усложняющиеся изображения эмоций и состояний в виде иконок-сигналов (от простого кружочка с точками-глазками и улыбкой до настоящих портретов и фрагментов из фильмов), а с другой – возврат к «старым» знакам препинания для конструирования смайликов (упрощение). Эмоции «радость» и «грусть» (или, обобщая, «позитив» и «негатив») прочно вошли в интернациональную коммуникативную практику в виде «закрывающей» («позитив») и «открывающей» («негатив») скобок. Фактически перед нами сигнальная передача эмоций, сопровождающих сообщение, – одновременно и элемент фатики, и достижение главной задачи коммуникации – передачи отношения коммуниканта к сообщению.

Приведем примеры сигнального синтаксиса, «вписанного» в алфавитно-фонетическую коммуникацию (привычную письменную систему (рис. 3)).

Рис. 3. Пост «Во Франции у прогноза погоды плохие рейтинги» и лучшие комментарии к нему (17.04.2018)

Рассказ пользователя vestalochka представляет собой нарратив, призванный передать эмоцию удивления. Эмоция вводится простой вербализацией (констатацией) состояния в первом же предложении, поддерживается далее сигналом «о_О» (нарастающее удивление), а завершается «примиряющим» эмодиконом «улыбка». Обратим внимание на отсутствие точек (кроме первого предложения) в конце фраз, прописных букв в начале предложений (при том что города написаны с использованием прописных букв). Вместо этих синтаксических знаков-разделов «обычной письменности», очевидно, используется клавиша «Enter», начинающая новую строку, а также в двух случаях из трех вместо сигнала конца предложения – эмодикон.

Отсутствие серьезных количественно-статистических исследований использования элементов эмсинтаксиса (как и эмописьменности в целом) в российской коммуникации затрудняет оценку места этого явления в современной коммуникации. Однако теоретический подход «грамматизации», представленный выше, позволяет рассматривать такие явления в большей мере не ситуативно (как, например, в исследованиях «изображение + текст», см. [Unsworth, 2006]), но системно – как возникновение все новых способов уточнения и одновременной классификации эмоций (отношения), сопровождающих коммуникативный обмен пользователей.

Перспектива исследования, по-видимому, заключается в своевременном фиксировании новых способов отклика на технологическое оснащение коммуникации в направлении отхода от алфавитно-фонетического способа фиксирования речи в сторону все более усложняющихся способов фиксирования эмоций с помощью знаков-сигналов, тяготеющих к бесконечному числу вариаций, понятных на уровне когнитивно-информационного обмена. Очевидно, что сама языковая материя истончается и перемещается на периферию национальных коммуникативных полей. И тогда тезис Г. Ульмера о переходе от собственно *literacy* (грамотности) к *electracy* («электронной грамотности») [см.: Ulmer, 2003]) становится все более актуальным.

ЛИТЕРАТУРА

- Антропова В. В.* Реализация эстетических концептов в дискурсе универсальной качественной прессы (на примере журнала «Русский репортер») // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2016. № 1 (18). С. 5–12.
- Балли Ш.* Французская стилистика. 2-е изд., стер. М.: Эдиториал УРСС, 2001. (1-е изд. на фр. яз. – 1909).
- Гумбрехт Х.-У.* Производство присутствия: чего не может передать значение / пер. с англ. С. Н. Зенкина. М.: Нов. лит. обозрение, 2006. (1-е изд. на англ. яз. – 2004).
- Дарвин Ч., Экман П.* О выражении эмоций у человека и животных. СПб.: Питер, 2014. (1-е изд. – 1872).
- Деррида Ж.* О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. (1-е изд. на фр. яз. – 1967).
- Краснопеева Е. С.* Теоретико-методологические основания исследования пользовательского перевода в новых медиа на примере платформы YouTube // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Филол. науки. 2017. № 12 (408), вып. 110. С. 106–115.
- Лутвинова О. В.* Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 71. С. 58–65.
- Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Гиперборея; Кучково поле, 2007. (1-е изд. на англ. яз. – 1964).
- Малиновский Б.* Проблема значения в примитивных языках // Epistemology & Philosophy of Science. 2005. Vol. 5, Is. 3. P. 199–233.
- Панова Е. Ю.* Воздействие эталонной языковой медиальности на формирование коммуникативных компетенций обучающихся // Лингворитор. парадигма: теорет. и прикл. аспекты. 2017. № 22–2. С. 206–210.
- Турбина О. А.* Природа эмотивного синтаксиса и его категорий // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Лингвистика. 2013. № 2. С. 4–9.

Федоров В. В. Проблемы и перспективы изучения нарративной коммуникации в электоральном медиадискурсе // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2017. № 11 (407). Филол. науки. Вып. 109. С. 61–66.

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 2-е изд. испр. и доп. М. : URSS, 2008. (1-е изд. – 1987).

de Bruin L., Strijbos D., Slors M. Situating emotions: from embodied cognition to mindreading // Topoi. 2014. N 33, Is. 1. P. 173–184.

Gumbrecht H. U. Presence in language or presence achieved against language? // Revista Brasileira de Literatura Comparada. 2017. Vol. 8, N 8. С. 129–138.

Hodgson J. Reculturalizations: “Small screen” culture, pedagogy, & YouTube [Electronic resource] // Enculturation. 2010. N 8. URL: <http://enculturation.net/reculturalizations> (дата обращения: 18.04.2018).

Kittler F. A. Gramophone, film, typewriter. Stanford : Stanford University Press, 1999. (1-е изд. на нем. яз. – 1986).

Louwerse M. M. Embodied relations are encoded in language // Psychonomic Bulletin & Review. 2008. N 15. P. 838–844.

Louwerse M. M. Symbol interdependency in symbolic and embodied cognition // Topics in Cognitive Science (TopiCS). 2011. N 3. P. 273–302.

Molitor G. T. T. Here comes 2015: The onset of the leisure era // Vital speeches of the day. 2000. Vol. LXVI, N 20. P. 620–627.

Molitor G. T. T. Oncoming «leisure era»: how we are getting there (part I) // Journal of Futures Studies. 2008. N 12 (3). P. 109–120.

Ong W. J. Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. N. Y. : Methuen & Co., LTD, 1982.

The grounding of cognition: The role of perception and action in memory, language, and thinking / D. Pecher, R. A. Zwaan (eds.). Cambridge : Cambridge University Press, 2005.

Stiegler B. Technics and time. Part 1. The fault of Epimetheus. Stanford, CT : Stanford University Press, 1998.

Stiegler B. Technics and time. Part 2. Disorientation. Stanford, CT : Stanford University Press, 2009.

Tillman R., Louwerse M. Estimating emotions through language statistics and embodied cognition // Journal of Psycholinguistic Research. 2018. N 47, Is. 1. P. 159–167.

Ulmer G. L. Applied grammatology: Post(e)-pedagogy from Jacques Derrida to Joseph Beuys. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1985.

Ulmer G. L. Internet Invention: From Literacy to Electracy. N. Y. : Longman, 2003.

Unsworth L. Towards a metalanguage for multiliteracies education: Describing the meaningmaking resources of language-image interaction // English Teaching: Practice and Critique. May 2006. Vol. 5, N 1. P. 55–76.

Volek B. Emotive signs in language and semantic functioning of derived nouns in Russian. Vol. 24. Amsterdam : John Benjamins Publishing, 1987.

УДК 81-22

Т. А. Лац

КОРРЕСПОНДЕНТНАЯ ТЕОРИЯ ИСТИНЫ В СЕМАНТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ИМЕНИ *TRUTH*

Аннотация. Предпринимается попытка рассмотреть лингвистический феномен TRUTH в английском языке с точки зрения корреспондентной теории истины. Доказывается, что однокоренные лексемы truth и true не являются семантическими дериватами, поскольку актуализируют различные концепты и выполняют в высказывании разные коммуникативные функции.